

Вернадский глазами царской охраны

М.Ю.Сорокина,

кандидат исторических наук
Архив РАН
Москва

Многолетняя общественная деятельность Владимира Ивановича Вернадского (1863—1945) и эволюция его взглядов на различные проблемы внутренней и внешней политики России пока еще остаются недостаточно исследованными. Активное участие Вернадского в общественном противостоянии самодержавию, особенно до 1905 г., не нашло полного отражения в материалах его личного фонда, хранящихся в Архиве РАН (АРАН). Возможность ареста, конфискации документов и прочее накладывали известный отпечаток на переписку и дневниковые записи. Восполнить этот пробел в общественно-политической биографии Вернадского помогает информация «с другой стороны» — материалы наблюдений за ним, его семьей, коллегами и друзьями, оказавшиеся в фонде Московского охранного отделения (МОО)* в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

«Дело» по наблюдению за Вернадским было заведено в Московской охране в конце 1890 г. Первый документ датирован 23 декабря 1890 г., когда МОО подготовило ответ на за-

прос Департамента полиции (ДП) Министерства внутренних дел (МВД) о посетителях В.И.Вернадского — хранителя минералогического кабинета при Московском университете [2. Л.1—1об]. Среди таковых ДП интересовали ближайшие друзья Вернадского — «Федор, Сергей, Адька» — Ф.Ф. и С.Ф.Ольденбурги и А.А.Корнилов**. С этого момента московская охранка начала постоянно следить за Вернадским и его окружением [2. Л.2—2об].

Следующий документ, касающийся общественной деятельности Вернадского, появился в его «личном полицейском деле» в 1895 г., после того как ДП

** Корнилов Александр Александрович (1862—1925) — историк, автор первого систематического курса истории России XIX в., монографий о М.А.Бакуanine. Секретарь ЦК кадетской партии; Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — востоковед-индолог. Академик Петербургской АН, ее непреходящий секретарь (1904—1929). Член ЦК кадетской партии, министр народного просвещения Временного правительства. Директор Азиатского музея, ставшего затем Институтом востоковедения АН СССР в 1916—1934 гг.; Ольденбург Федор Федорович (1862—1914) — педагог, статистик и общественный деятель (кадет). Брат С.Ф.Ольденбурга. В 1887—1914 гг. руководил женской учительской школой им.Максимовича в Твери. В.И.Вернадский, братья Ф.Ф. и С.Ф.Ольденбурги, А.А.Корнилов, Д.И.Шаховской (см. ниже) в середине 1880-х годов составили ядро братства — своеобразного духовного союза, «коллективной личности», — идейно-нравственные установки которого сохраняли на протяжении всей жизни. Подробнее см. [3, 4, 5].

перлюстрировал письмо Н.А.Кабанова, сверхштатного ординатора при госпитальной терапевтической клинике Московского университета, А.И.Шингареву*** от 7 января 1895 г., в котором речь шла о кружке Н.А.Кабанова, А.И.Шингарева, П.Г.Виноградова****, В.И.Вернадского и др., собиравшегося издавать дешевую «научно-образовательную библиотеку». По словам Кабанова, Виноградов и Вернадский «не просто редакторы, а ближайшие члены кружка», они «особенно горячо взялись за дело», а последний «обещал <...> познакомиться с интеллигентными именитыми и неименитыми тверитянами (Шаховской, Петрункевич***** и др.)» [6].

*** Шингарев Андрей Иванович (1869—1918) — общественный деятель, врач, публицист. Член ЦК кадетской партии. Депутат II—IV Государственных Дум. В первом составе Временного правительства министр земледелия, во втором — министр финансов.

**** Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) — историк-медиевист, академик Петербургской АН, профессор Московского (1884—1902; 1908—1911) и Оксфордского университетов (с 1903 г.), гласный Московской городской думы (с 1897 г.).

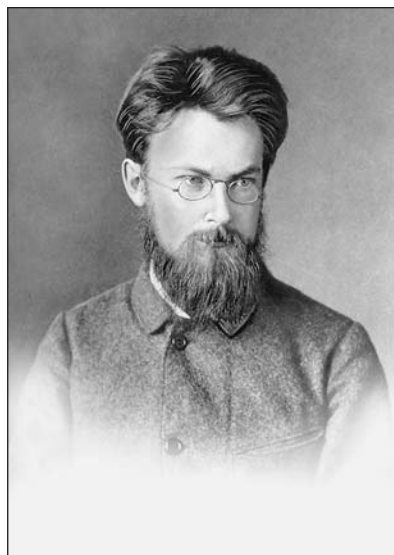
***** Шаховской Дмитрий Иванович (1861—1939) — историк, публицист, исследователь творчества П.Я.Чаадаева. Один из основателей кадетской партии, член ее ЦК. Депутат и секретарь I Государственной думы. Министр государственного призрения Временного правительства. Ближайший друг Вернадского со студенческих лет; Петрункевич Иван Ильич (1843—1928) — один из учредителей кадетской партии и председатель ее ЦК (1909—1915). После 1917 г. в эмиграции.

* Точное название: Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в г.Москве. Обзор материалов этого фонда (№63), касающихся научных деятелей, см. [1].

В том же году «дело» Вернадского пополнилось. Следующий документ датирован 11 марта 1895 г., когда Министерство народного просвещения запросило о благонадежности жены Вернадского, Натальи Егоровны [7], в связи с ее желанием открыть воскресную школу. 24 мая 1895 г. ДП ответил московскому обер-полицеймейстеру, что Н.Е.Вернадская «не навлекла на себя лично подозрения в политической неблагонадежности и потому со стороны Департамента не встречается препятствий к разрешению ей открыть в г.Москве воскресную школу, но ввиду имеющихся неблагоприятных сведений об ее муже надлежит учредить внимательное наблюдение за направлением преподавания в школе и за составом преподавателей» [2. Л.15].

«Благонадежность» граждан империи проверялась тотально, в частности при организации экспедиций, создании новых научных общественных организаций. Так, 25 апреля 1896 г. уфимский губернатор запрашивал московского обер-полицеймейстера о политической благонадежности и моральных качествах членов Московского общества испытателей природы (МОИП) — В.И.Вернадского, В.Д.Соколова и О.А.Федченко, направляемых этим обществом в Уфимскую губ. с научной целью [2. Л.19]. В 1898 г. МОО сообщило ДП характеристики на подписавших обращение о создании Русского горного общества и определило Вернадского как «сторонника взгляда необходимости политического воспитания студентов, с какой целью хотел составить каталог книг, чтение коих давало бы желаемые результаты» [8].

Наблюдение за связями между либеральной профессурой и революционно настроенным студенчеством было одним из важнейших направлений деятельности полиции и охранки. 13 января 1897 г. ДП сообщил московскому обер-полицей-

В.И.Вернадский в 1888 г. и Н.Е.Вернадская в 1886 г. Вскоре они окажутся под полицейским надзором.

стеру, что проживающая за границей бывшая студентка Высших женских курсов М.Н.Тихонович, в 1892 г. уже привлекавшаяся к дознанию, ведет переписку через своего брата, получающего корреспонденцию по адресу: «Москва. Минералогический кабинет. В.И.Вернадскому для передачи» [2. Л.24—24об]. Окончивший Харьковский университет в 1897 г. Николай Николаевич Тихонович (1872—1952) [9] был известен ДП своей причастностью к Фонду вольной русской прессы. Однако лично ни в чем «подозрительном» не замеченный, он продолжал заниматься по геологии и минералогии в Московском университете под руководством Вернадского. ДП просил выяснить своих московских коллег «характер отношений» учителя и ученика. И хотя никакой компрометирующей Вернадского и Тихоновича информации на этот раз собрать не удалось, 26 марта 1897 г. исполняющий должность московского полицеймейстера полковник Д.Ф.Трепов отметил, что Вернадский своей деятельностью уже не раз обращал на себя внимание ДП.

Внимание охранки к фигуре Владимира Ивановича было постоянным и особенно усилилось в 1903 г., когда корреспонденция ученого и его близких друзей и знакомых стала регулярно перлюстрироваться. В это время Наталья Егоровна уже числилась как «политически неблагонадежная, состоящая под надзором полиции» [2. Л.32], и в делах охранки сохранился целый ряд перлюстрированных писем к ней ее мужа.

Дом Вернадских в Москве, а они жили тогда в университетской квартире, находился под постоянным наблюдением полиции. «Благодаря» этому мы можем существенно расширить представления об участии Владимира Ивановича и его окружения в событиях 1905 г. Как известно, на гребне революционной волны в марте 1905 г. университеты по распоряжению правительства были закрыты, а высочайший указ от 16 апреля угрожал увольнением профессоров и студентов, если спокойные занятия не начнутся осенью того же года. В период, непосредственно предшествующий указу, охранка накопила богатый материал о связях профес-

сора Вернадского и «революционных элементов». Так, пристав 2-го участка Тверской части сообщал в МОО 12 апреля 1905 г., что в квартире профессора Вернадского во флигеле Московского университета часто собираются «пожилые мужчины, переодетые студенты и даже гимназисты» — до 20 человек. 28 апреля 1905 г. он же доносил, что 27 апреля, в течение всего дня, квартира Вернадского посещалась «одиночными лицами, по видимому интеллигентными», которые «собирались от 4 до 6 человек одновременно». Пристав точно определил, что «квартира Вернадского <...> служит местом для постоянных собраний» и, несмотря на то, что она находится на втором этаже, в отдельном флигеле, «в ней по вечерам окна завешиваются совершенно темными занавесками...» [2. Л.45, 47].

«Совершенно секретные» сводки об очередных «сходках» на квартире Вернадского поступали все лето 1905 г. 3 июля пристав сообщал об одной из них: «Сходки в квартире Вернадского, как я сообщал ранее, ПРОИСХОДИЛИ ЧАСТО. Я слышал, что правление университета за эти сходки просило Вернадского очистить квартиру. Вернадский все время жил на даче и как только приехал в Москву сейчас же устроил сходку» [2. Л.45—46об]. К февралю 1906 г. МОО точно установило, что революционным собраниям студенчества в стенах университета способствует помощник ректора Вернадский. Он участник «освободительного движения», констатировала охранка, а его сын — арестован.

Большой комплекс документов МОО связан с общественной деятельностью в годы первой русской революции сына Вернадского — будущего известного историка Георгия Владимировича Вернадского (1887—1973) [10]. Еще в гимназические годы обнаружилось, что Вернадский-младший так же глубоко

ко интересуется общественно-политическими проблемами жизни России, как и его отец: он последовательно перепробовал традиционный для интеллигенции тех лет набор «исканий» — кружок «самоусовершенствования», «хождение» к Л.Н.Толстому в Ясную Поляну, дискуссии с социал-демократами.

В первый студенческий год (1905) Георгий Вернадский и его друзья активно участвовали в кампании помощи голодающим (зимой 1905/06 гг.), сотрудничали в Крестьянском союзе. 12 ноября 1905 г. Вернадский-старший записал в дневнике: «Разговор с Гулей (Георгием. — М.С.). Увлечен Крест[ьянским] союзом. Хочет ехать пропагандировать идею союза. Охвачен увлечением и движением. «Земля и воля» — явилось кличем — и рассудок отходит на задний план. Есть ли путь для остановки движения? Или чаша должна быть испита до конца?» [11. Оп.2. Д.4. Л.132об].

Опасения за судьбу сына не были напрасны. 31 января 1906 г. за подписью начальника Московского губернского жандармского управления (МГЖУ) генерал-лейтенанта Черкасова в Московское охранное отделение под грифом «секретно» ушла следующая бумага: «Департамент Полиции от 27-го текущего января за № 780 по 7 Делопроизводству, по приказанию министра внутренних дел, просит объявить профессору Московского университета Вернадскому, что сын его Георгий арестован за участие его в противоправительственной пропаганде среди крестьян в столовых, открытых Вернадским в Моршанском уезде в помощь голодающим» [12]. В действительности Георгий был арестован 20 января, и в тот же день его отец направил телеграмму непосредственно министру внутренних дел П.Н.Дурново: «Столовые организованные мною помощи голодающим Моршанском уезде близ моего имени полицией закрыты. Заведывавший делами мой

сын и студент Ильинский а также управляющий Попов арестованы увезены Моршанск. По глубокому моему убеждению все основано на неправильном толковании обязанностей местными властями. Прошу Вашего распоряжения возможно скором расследовании иначе разрушится начатое неотложно необходимое крупное дело помощи голодающим крестьянам Профессор Московского Университета Вернадский» [11. Оп.3. Д.1956а. Л.1].

Не полагаясь на официальные правительственные инстанции, 21 января Вернадский отправил еще одну — уже неформальную телеграмму, отчаянный тон которой необычен для его корреспонденции и наглядно демонстрирует меру волнения за сына. Своему старому приятелю, а теперь влиятельному чиновнику МВД С.Е.Крыжановскому, Вернадский писал: «Вчера Вернадовке арестованы старик управляющий и мой сын юноша Георгий. Увезены Моршанск. Устраивали столовые голодающим. Ничего политического не было. Тамбовской губернии теперь полный произвол властей. Губернатора нового нет. Старый Лауниц безумствует. Прошу тебя воздействовать на местные власти. Два раза телеграфировал Лауницу без ответа. Телеграфировал вчера Дурново. Большое дело помощи бездумно разрушено. Распущенные власти могут исклечить жизнь сына. Если можешь помоги. Вернадский» [11. Оп.3. Д.1966а. Л.1]. Вслед за этим Вернадский выехал в Петербург, где 1 февраля 1906 г. встретился с Крыжановским. Старый друг немедленно помог: «Он очень сердечно и хорошо ко всему отнесся», — сообщал ученый жене [11. Оп.7. Д.51. Л.1об]. Впоследствии Вернадский вспоминал, что Крыжановский «через Дурново быстро освободил Георгия. Он до известной степени поручился за него — “грехи молодости”, — что в действительности и было» [11. Оп.2. Д.31. Л.85]. Параллельно Вернадскому обещали вмешать-

ся в «Моршанское дело» сам премьер-министр С.Ю.Витте и министр внутренних дел П.Н.Дурново, с которыми Вернадский встречался 1 февраля; в письме жене Вернадский констатировал: «Георгий выпущен, кажется, вне всяких правил с полным нарушением бюрократизма, по-видимому, на мою личную ответственность» [11. Оп.7. Д.51. Л.3].

После освобождения Георгия родители отправили его подальше — в Германию, где он провел весну-лето 1906 г. Однако, вернувшись в Россию, он сразу же опять включился в антиправительственную деятельность, и 28 января 1907 г. его вновь арестовали за распространение агитационной литературы партии народной свободы на Смоленском бульваре в Москве. На этот раз он был освобожден еще быстрее — согласно «телефонному распоряжению» помощника начальника Особого отдела. В архиве охраны остался его членский билет №10 540-й московской городской группы кадетов [13].

В течение последующих лет Георгий Вернадский продолжал активную политическую работу в кадетской партии и в документах ДП и МГЖУ его имя будет встречаться регулярно — то как одного из руководителей (в 1909 г.) Кружка прогрессивной молодежи Москвы, занимавшегося распространением книг среди крестьян и пропагандой общественно-экономической организации в деревне, то в связи с революционной деятельностью его друга Михаила Карповича*, в те годы активного эсера, многократно арестовывавшегося в Москве, где он жил на одной квартире с Г. и Н.Вернадскими, С.С.Ольденбургом, Н.Д.Шаховской (д.№5 Снегиревой по Полуэктову пер., кв.19), то, наконец, в связи с общест-

венной деятельностью его жены Нины Владимировны, личностью которой постоянно интересовалось Тульское ГЖУ, наводившее своих московских коллег на обыски в ее доме (д.5/50 Нейгарда по Арбату, кв.56).

Большой массив документов ОО ДП и МОО связан со знаменитой университетской историей 1911 г. Напомним, что 27 января 1911 г. в Московском университете состоялась очередная студенческая сходка, на которую по распоряжению правительства был направлен наряд полиции, передавший распоряжение поставить ректорат и Совет университета под контроль градоначальника Москвы. В ответ на эту меру, нарушавшую университетскую автономию, ректор А.А.Мануйлов, его помощник М.А.Мензбир и проректор П.А.Минаков подали в отставку, считая для себя унизительным находиться под надзором полиции. Их действия активно поддержали многие профессора, в том числе В.И.Вернадский. В результате к 20 февраля Московский университет потерял из своего преподава-

тельского состава 108 человек, из них 25 профессоров (28% от общего числа профессоров) и 74 приват-доцента (27%). Вернадский посвятил этому событию несколько статей — «Разгром», «1911 год в истории русской умственной культуры», опубликованных в газете «Русские ведомости» и «Ежегоднике газеты «Речь» на 1912 г.» [14].

Не будем углубляться в детали, которые уже не раз привлекали к себе внимание. Скажем только, что московская охранка имела подробные сведения о ходе событий. На протяжении января—февраля 1911 г. агенты охраны «Зоя», «Васильев», «Петухов» интенсивно, практически каждодневно, поставляли агентурную информацию о положении в университете.

Было заведено специальное дело «О профессорах и приват-доцентах, подавших прошение об увольнении от службы» [15. Д.224]. 4 марта 1911 г. председатель комиссии личного состава и внутреннего распорядка Государственного Совета известил В.И.Вернадского об увольнении; 3 мая 1911 г. исполняющий обя-

В.И.Вернадский со своими учениками, сотрудниками кафедры минералогии Московского университета В.В.Карандеевым, П.К.Алексаком (сидят), Г.И.Касперовичем и А.Е.Ферсманом (стоят). 1911 г.

* Карпович Михаил Михайлович (1887—1959) — историк, с 1917 г. в США — секретарь посла России в США Б.А.Бахметева, профессор русской истории в Гарварде, главный редактор «Нового журнала».

занности помощника ректора Московского университета историк М.К.Любавский сообщил ему о необходимости незамедлительного освобождения «казенной квартиры» к 15 мая.

Правительственные репрессии сильно затронули студенчество. Воспрещение жить в Москве за студенческие беспорядки в январе—феврале получили 232 студента. Одной из жертв полицейского произвола стал и ученик Вернадского Александр Васильевич Казаков, занимавшийся обработкой коллекций фосфоритовых месторождений минералогического кабинета московского университета; на него было заведено дело в Московской охранке. Материалы хорошо показывают, что научные школы создавались в России начала XX в. не только на университетской скамье — их объединяла общая демократическая идеология профессоров и студентов.

Казаков был арестован 17 марта 1911 г. по обвинению

в участии в студенческой социал-демократической фракции, в забастовке, агитации и «ораторствовании» на сходках. Во время обыска у него было изъято много писем, а также курс лекций Вернадского «Минералогия» с корректурными знаками. 2 апреля 1911 г. Вернадский направил московскому градоначальнику А.А.Адрианову «прошение», в котором характеризовал А.В.Казакова как «человека очень выдающегося, работающего и далекого от всяких студенческих беспорядков». После окончания им опытной работы «Материалы к исследованию группы палыгорскита» Вернадский представил эту работу в Академию наук, где она стала печататься в ее «Известиях». «Ввиду всего вышеуказанного, — писал Вернадский, — позволяю себе просить Ваше Превосходительство, обратить внимание на дело этого талантливого, многообещающего человека, сколько знаю, всегда стоявшего в стороне от всякой политики.

Не произошла ли какая-нибудь ошибка в связи с его арестом?» [15. Д.684. Л.20—21]. Письмо Вернадского, а также ходатайство Московского университета, сделали свое дело, и 8 апреля Казаков был освобожден «без дальнейших последствий».

После 1911 г. и ухода Вернадского из Московского университета нам не удалось обнаружить документов, свидетельствующих о слежке за выдающимся ученым. Возможно, здесь сыграло роль то обстоятельство, что в 1912 г. он был избран ординарным академиком Императорской Академии наук, переехал жить в Петербург и его «дело» вслед за ним отправилось в Петербургское охранное отделение, материалы которого, как известно, плохо сохранились. Но возможен и другой ответ — активная политическая деятельность Вернадского после 1912 г. явно сходила на нет, а помыслы ученого все более сосредотачивались на создании биосферной концепции Вселенной. ■

Литература

1. Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура «под колпаком» у власти // Вопр. истории естествознания и техники. 1998. №2. С.74.
2. ГАРФ. Ф.63. 1890. Д.961.
3. Аксенов Г.П. Сила братства // Природа. 1988. №2. С.82—93.
4. Каганович Б.С. Люди и судьбы: Д.И.Шаховской, С.Ф.Ольденбург, В.И.Вернадский, И.М.Гревс по их переписке 1920—1930-х гг. // Звезда. 1992. №5/6. С.161—170.
5. Шаховской Д.И. Письма о братстве / Публ. Ф.Ф.Перченка, А.Б.Рогинского, М.Ю.Сорокиной // Звенья: Историч. альманах. М.; СПб., 1992. Вып.2. С.174—318.
6. ГАРФ. Ф.63. 1895. Д.466. Л.2.
7. Вернадский В.И. Письма Н.Е.Вернадской / Сост. Н.В.Филиппова. Т. 1—3. М., 1988—1994.
8. ГАРФ. Ф.63. 1898. Д.480. Л.11—11об.
9. Репрессированные геологи: Биографические материалы. М.; СПб., 1995. С.168—169.
10. Сорокина М.Ю. Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Рос. науч. эмиграция: двадцать портретов. М., 2001. С.330—347.
11. АРАН. Ф.518.
12. ГАРФ. Ф.63. 1906. Оп.26. Д.59. Л.196.
13. ГАРФ. Ф.63. 1907. Оп.27. Д.238. Л.43.
14. Вернадский В.И. Публицистические статьи / Сост. В.П.Волков. М., 1995. С.179—181, 186—199.
15. ГАРФ. Ф.63. Оп.31. 1911.